

Запах сводил с ума. Густой, тягучий — он вылетал из окон и щелей стеклянного ларька, проскальзывал мимо двух круглых столиков и устремлялся не в сторону проезжей части, а, как назло, к жилым домам. Он бессовестно дразнил аппетит, тянул за руки, за ноги и настойчиво обещал продолжительное наслаждение.

— «Горячие блинчики», — прищурившись, прочитала Алиса и, тяжело вздохнув, перевела взгляд на подъезд высоченной башни. В животе заурчало, во рту увеличилось слюноотделение и появился сладковатый привкус надежды. — Ну, где же ты...

Вот уже второй час Алиса Бестужева дежурила в зарослях акации и сирени. Терпение подходило к концу, а восходящая звезда эстрады Мэри Лив не появлялась. Два дня назад за триста рублей у болтливой вахтерши удалось узнать, что именно сегодня «нахальная солист-

ка» отправится на гастроли по «городам и селам» и приблизительно в девять утра покинет свою квартиру, дабы с чемоданами в окружении телохранителей проследовать на вокзал. Девять часов давно остались позади, а успешной звезды (да не будет у нее аншлагов до глубокой старости!) все нет и нет.

— Неужели перед зеркалом крутится... зараза, — нахмурилась Алиса и, ища сочувствия и поддержки, с любовью посмотрела на фотоаппарат.

Цифровая зеркальная фотокамера полупрофессионального класса уже год являлась другом и помощником, побывав во многих переделках вместе со своей хозяйкой. Кому ж доверять свои волнения и думы, как не ей? Черная, матовая, красивая... Пять кадров в секунду — такая не подведет. И не тяжелая — шею не тянет, не слишком мешает при быстром беге...

— Мэри, только прошу тебя — никакой косметики... на фига тебе тушь и помада... не огорчай меня, певица ты наша... народная.

Как же пахнет блинами, как же пахнет! Алиса поджала губы и запретила себе поворачивать голову в сторону ларька. Воображение настойчиво изобретало всевозможные начинки и столовой ложкой накладывало их на нежное промасленное лакомство — еще немного, и ноги сами понесут ее напрямиком к сытному

завтраку. Нет! Нет! Нельзя покидать пост! Стоит расслабиться, отойти на минутку, как по закону подлости Мэри Лив проشمыгнет мимо, и тогда — прощай, заработок, и простите, напрасные часы ожидания.

— Вот она, — выдохнула Алиса и победно улыбнулась.

На крыльце подъезда появились четверо: два высоченных парня, сухонькая, чудно одетая женщина (в руке металлический чемоданчик... скорее всего визажист и мастер по прическам) и собственно сама звезда — ладная кукла по имени Мэри Лив (наверняка еще совсем недавно была какой-нибудь Машей Ивановой или Сидоровой).

— Ненакрашенная... — произнесла Алиса, и выражение ее лица стало довольным и хищным одновременно. Палец мгновенно оказался на маленькой гладкой кнопке. — Спасибо тебе, спасибо...

Вскинув фотоаппарат, Алиса мысленно пообещала себе слопать сразу три блинчика (чуть позже), задержала дыхание, замерла и...

— Эй! — раздался громкий и резкий голос одного из представителей охраны. Парень поднял руку и бросился в сторону акаций и сирени. — Я тебе поснимаю! Я тебе сейчас так поснимаю! Да я тебе, урод, голову откручу!

Упс... Кажется, ее застукали... Черт! А ме-

сто, выбранное для засады, казалось таким надежным!

Две секунды хватило на то, чтобы внутренне собраться — Алиса отпустила фотоаппарат (он повис на мягком кожаном ремешке), запахнула черную ветровку, застегнула «молнию» до горла, натянула бейсболку на нос, развернулась и побежала изо всех сил к арке противоположного дома. Там, рядом с продуктовым магазином, находится крытый рынок — ряды с овощами, фруктами, соленьями, парным мясом, домашними сырами, сметаной... Есть отличный шанс смешаться с толпой и оторваться от преследователя, выскользнув на улицу через другие двери. А если не получится — ничего не поделаешь, — придется продолжить вынужденный кросс: петлять, оборачиваться и трястись.

— Стой! Все равно догоню! — неслось в спину. — Стой! Я тебе руки-ноги переломая!

«Прошлый раз обещали зажарить живьем и съесть», — мелькнуло в голове Алисы, и она увидела долгожданный главный вход рынка.

Нет, не нужны ей блинчики, лучше купить черемшу, сало и мягкий черный хлеб... маринованный чеснок, топленое масло, спелые помидоры, кровяную колбасу, инжир, медовую курагу, поджаренный кешью, копченую курицу, сулугуни, тонкий лаваш...

Все это мелькало перед глазами Алисы, а в животе то булькал голод, то подпрыгивал страх.

Свернув к рядам с халатами, ночными рубашками и нижним бельем, она притормозила и юркнула за палатку с игрушками. Молниеносно сняла двустороннюю ветровку, вывернула ее на голубой цвет, надела, вновь застегнула, пряча фотоаппарат, и сняла бейсболку... На плечи и спину упала ярко-оранжевая копна вьющихся волос — мелкие и крупные кудри вперемешку.

— Попробуй теперь меня найди, — усмехнулась Алиса, спокойно покидая свое убежище. Она подошла к крайнему прилавку, с интересом посмотрела на махровые полосатые носки и спросила продавца: — А такие сколько стоят? — Подняла голову и увидела телохранителя Мэри Лив. Он стоял посередине рынка и разочарованно озирался по сторонам. Похоже, на этот раз повезло не ему...

— Пятьдесят рублей.

— Беру, — кивнула Алиса и, сунув руку в карман, подумала: «Надо же себя побаловать после неудачной фотоохоты... эх, и до чего же тяжела жизнь самого обыкновенного папарацци...»

Глава 1

3 августа — пятница

День сплошных неприятностей

«Я красивая?» — спросит Алиса.

«Ну и пошел он к черту», — скажет Дана.

Намазав на мягкий кусок белого хлеба вареную сгущенку, Алиса блаженно улыбнулась. Наконец-то она поест! И поест вкусно!

— Ну, давай же, давай, — подбодрила она чайник, и тот, закипев, издал приятный щелчок. — Молодец! Можешь, когда захочешь!

Удобно устроившись в кресле перед телевизором, Алиса поставила горячую чашку на низкий журнальный столик и с удовольствием откусила бутерброд. М-м-м... Невероятная вкуснота! Вареная сгущенка — это то, что мамуля отлично готовит. Положит в большую кастрюлю сразу пять банок, зальет водой, отправит на плиту, заведет таймер на два с половиной часа и — приятного аппетита! Вот он — вкус праздника, вкус счастья, вкус детства...

Алиса родилась солнечным июньским днем в семье Абсолютного Хаоса и Бесконечного Разгильдяйства. Мама — певица, папа — художник. У каждого своя творческая жизнь и минимум свободного времени.

— Отличная девчушка получилась, — одобрил врач и, подмигнув пищащему комочку, добавил: — Ну, мамаша, любуйся на свою красотулю.

Сначала Дана Бестужева поморщилась от слова «мамаша» — такие определения, по ее мнению, годились только растрепанным клушам или зацикленным на пеленках, пюрешках и горшках домохозяйкам, потом она поморщилась, когда внимательно рассмотрела дочку — на пухленькую гладенькую красавицу-малышку (такую, как на картонной пачке сухой молочной смеси) девочка не тянула.

— А это точно моя дочь? — спросила она, задумчиво наклоняя голову набок.

— Позвольте... — изумился врач, — но она только что выскочила прямо из вас...

Да, против таких аргументов не попрешь. К тому же некоторое сходство имеется — рыжий цвет волос и упрямый взгляд. Маленькая, беззащитная, а туда же — смотрит внимательно, будто ждет чего-то.

— С именем уже определились? — добродушно поинтересовалась медсестра, делая пометки на разлинованном бланке.

Дана посмотрела на потолок, пожалала плечами и вспомнила золотистый чубчик дочери.

— Лиса Алиса, — ответила она и улыбнулась, чувствуя, как приятные ручейки мате-

ринства, щекоча, бегут по венам, устремляясь к самому сердцу.

Мама и папа окружили Алису сдержанной и нетипичной заботой. Ей разрешалось все, но только в пределах тесной гримерки или просторной, пропахшей краской мастерской. Знакомые и незнакомые, красивые и чудные, строгие и смешливые люди входили, выходили, угощали сладостями, улыбались... А некоторые смельчаки даже протягивали руку, чтобы ласково погладить малышку, но с Алисой такие номера не проходили, и два укушенных пальца были тому подтверждением.

В детский сад она отправилась в возрасте трех лет — категорически отказавшись от кружевного розового платья, требовала джинсики и водолазку. Дана Бестужева не разделяла вкусов дочери, но на этот раз уступила — у ребенка впереди знакомство с воспитателями и детьми, пусть идет в том, что нравится. И, дабы еще больше поддержать дочь, приготовила на завтрак огромный бутерброд с вареной сгущенкой.

Адаптация в саду заняла буквально несколько минут: Алиса повесила кофту на крючок в шкафчике, сменила туфли на босоножки, махнула маме с папой рукой и, зайдя в группу, громко произнесла: «Я самая главная, понятно?» Родители переглянулись и облегченно вздохнули, они давно уже подозревали, что их

рыжеволосая зеленоглазая девочка нигде не пропадет.

Несмотря на наличие лидерских качеств, Алиса всегда существовала в плоскости, параллельной коллективу. С ней хотели дружить многие, но она оставалась в стороне, поддерживая только приятельские отношения. Алисе нравилась тишина одиночества, и она внутренне отгораживалась от яркого, шумного мира матери, от пестрого неустойчивого мира отца и впоследствии — от размеренного мира одноклассников. Она шла вперед, не задевая никого, но оставляя на земле четкий рельефный след.

С раннего детства, требуя весомую порцию независимости, Алиса пресекла все попытки матери превратить ее в ухоженную гламурную особу, выстукивающую ритм превосходства тонкими каблукками. Она выбирала и носила только удобную одежду и предпочитала спортивный стиль: джинсы, свитера, водолазки, футболки, кроссовки... «Разгильдяйство тебе досталось от отца», — фыркала мамаля, глядя, как повзрослевшая дочь застегивает короткую куртку из грубой ткани и перекидывает через плечо лямки потертого рюкзака. Да, возможно, но что делать, если желания следовать моде не возникает, если рюшки и побрякушки раздражают?

Но однажды Алиса изменила себе. И слу-

чилось это практически сразу после успешного поступления в Институт рекламы.

Вернувшись домой, она юркнула в ванную комнату и плотно закрыла дверь. Сняла все, кроме лифчика и трусов, и замерла перед узкой полоской зеркала. Взгляд запрыгал вверх-вниз, вверх-вниз, впитывая отражение и цепко выискивая достоинства и недостатки.

Стройная фигура, треугольное лицо, тонкая талия, маленькая грудь, длинные ноги, острые коленки, зеленые глаза, высокие скулы, облако кудрявых волос. Непослушное облако — легче скрутить в жгут и скрепить заколкой или спрятать под бейсболку, чем расчесать. Давно бы отстригла, но в коротком варианте кудри становятся еще мельче и торчат в разные стороны — хм, та еще красота получается...

Не спеша одевшись, Алиса направилась в кухню. Именно оттуда доносилось бодрое пение мамули:

— Я красивая? — спросила она, с вызовом вздернув конопатый нос.

— Да, — твердо ответила Дана Григорьевна, — но ты совершенно не следишь за собой, что меня ужасно огорчает! Когда ты снимешь драные джинсы и наденешь приличную юбку?

— Приличная — это та, которая тридцать сантиметров в длину? — улыбнулась Алиса, намекая на излюбленные наряды матери.

— Именно так!

— Ладно... — она вздохнула, — дай мне какую-нибудь... померить...

Глаза Даны Григорьевны Бестужевой от удивления медленно, но верно поползли на лоб. «Влюбилась», — поставила она диагноз дочери и не ошиблась.

Алиса познакомилась с Денисом на улице в центре Москвы. Он так самозабвенно и профессионально фотографировал полуразрушенный временем кирпичный дом, что она не смогла пройти мимо. Прислонившись спиной к стволу липы, она неотрывно следила за его движениями. Каждый жест, каждый поворот головы приковывал взгляд и наполнял душу странным болезненным волнением.

Сделав десятка два кадров, парень обернулся и заметил рыжеволосую наблюдательницу.

— Как тебя зовут? — бросил он.

— Алиса.

— Отличное имя. А я — Дэн.

— А зачем вам столько снимков этого дома?

— Готовлю эксклюзивный календарь по заказу строительной фирмы.

— А потом... Что будете делать потом?

— Возьму тебя за руку и отведу в кафешку, накормлю пирожными, а затем приглашу свою студию, — насмешливо ответил он, присаживаясь на корточки в поисках более удачного ракурса.

Вкус пирожных Алиса не запомнила, кажется, кофейные или шоколадные, какая разница... А вот студия произвела неизгладимое впечатление. Осветительные лампы, тряпичные рулоны фона, пуфики, стулья, кресла, шкуры медведя и тигра, черно-белые портреты в рамках... У отца тоже своя мастерская, но мольберты, краски и эскизы отчего-то навевают скуку, а здесь — совсем другое дело...

Денис Алисе показался очень взрослым — двадцать семь лет, небрит, стильно одет. Своя квартира, романтика профессии, дорогие сигареты и притягательная небрежность во всем. Свободен и талантлив. Умен и опытен. Сердце дрогнуло и первый раз не стало сопротивляться.

Почти каждый день, после лекций в институте, Алиса бежала к Дэну. Сидела на табурете в углу студии и смотрела, как он работает, как творит. К нему приходили совершенно разные люди: и профессора, и мамочки с детьми, и студенты, и необыкновенно красивые девушки... Модели. Высокие, тонкие, прохладные, уверенные в себе. Чудо-бабочки. Они льнули к Дэну, хлопали своими разноцветными крылышками, оставляя невидимую пыльцу на его футболке, и улетали прочь. А Алиса вдыхала цветочный аромат чужих духов и здоровалась за руку с неведомой ранее ревностью.

Фотографии, висевшие на стенах студии, только добавляли душевных страданий — иде-

альные бабочки и в стильных рамках чувствовали себя прекрасно и, не скупясь, щедро раздавали улыбки направо и налево...

Денис постоянно угощал Алису шоколадными конфетами, круглыми мятными пряниками, ликером «Бейлис», миндалем в сахаре и прочими сладостями, брал с собой на выездные съемки, на премьеры в кино, на встречу с друзьями в ресторан. Он относился к ней тепло и даже трепетно и улыбался, когда она слишком сурово посматривала в сторону очередной, залетевшей на фотовспышку, чудо-бабочки. «У меня такая работа», — объяснял он, но Алиса толком не понимала, что именно он вкладывает в эти слова.

И однажды захотелось стать другой, и она появилась на пороге студии в короткой бархатной юбке и подобранной в тон обтягивающей кофточке, сверху — расстегнутый серебристый плащ. Волосы распущены, а на лице — легкие следы косметики: тональный крем, пудра, тушь и бледно розовый блеск на губах.

— Ты чего же свои конопушки замазала, — улыбнулся Денис и сразу потянул ее в драпированный тканью угол, к пуфику и тигровой шкуре.

Он фотографировал ее первый раз. Два часа фотографировал. Руки, ноги затекли, а душа дрожала от счастья. Теперь Алиса была уверена

в своей красоте и решительно отказалась от джинсов и водолазок — раз и навсегда.

Два месяца она кружилась в невероятном танце счастья, страсти и любви. Научилась ходить на каблуках, краситься, фотографировать, готовить бесподобные многослойные бутерброды, пить текилу и врать матери, которая задавала не слишком-то много вопросов. Если раньше Алиса не задумывалась о свадьбе, то теперь мысли о белом платье все чаще приходили в голову. Она представляла, как Денис делает предложение, как она бросается ему на шею и кричит как сумасшедшая: «Да! Да! Да!» На треугольном личике появлялась улыбка, а из груди вырывался вздох волнения и надежды.

Но Денис не сделал предложения руки и сердца. На свете слишком много чудо-бабочек, и цветок нарцисс умеет любить только себя...

Она увидела их случайно — в магазине. В корзинке Дениса уже лежал батон, зеленый салат в горшочке, кусок карбоната, банка маринованных огурцов... он обожает многослойные бутерброды и нефильтованное пиво... А рядом — блондинка: прямые длинные волосы, кошачьи глаза и пухлые губы. У такой наверняка есть десять портфолио и контракт в модельном агентстве.

Алиса схватила с полки бутылочку питьевого йогурта и сделала несколько шагов назад — не надо попадаться им на глаза, не надо! И, воз-

можно, не надо было идти в этот магазин... В их любимый магазин...

Как зомби, Алиса двигалась за ними до студии. На расстоянии. И убежала бы прочь, но ноги несли вперед. Денис говорил, что сегодня у него предметная съемка в торговой фирме... и неделю назад то же самое говорил... Так, значит... это ложь?

Дверь он закрыл на два оборота, но у Алисы был ключ... Полчаса она топталась на улице, задаваясь множеством вопросов, а потом полезла в сумку и нащупала плоский кругляш брелка.

По коридору шла медленно (четыре метра от надежды до правды), подыскивая объяснения и твердя: «Он не мог, он не мог, он не мог так поступить». Скрип двери и... Потом он позвонит ей и будет объяснять, что есть серьезные отношения, а есть разовые, что мужская природа отличается от женской и нельзя так заикливаться на рядовых вещах. Он будет объяснять многое, но Алиса его не услышит. Она положит трубку на подоконник и отправится на кухню. Намажет хлеб вареной гущенкой, сядет за стол и, обжигая рот горячим чаем, будет есть, смахивая со щек соленые слезы...

Следующим утром Алиса проснулась другим человеком. От недавно приобретенной мягкости не осталось и следа. Косметика, юбочки, кофточки перекочевали в комнату матери,

а на полках ровными стопками появились футболки, майки, водолазки. Любимые потертые джинсы, пережив очередную стирку, заняли привычные места на спинках стульев, на подлокотнике кресла, на вешалке в шкафу. К прежним независимым настроениям добавились резкость, сигареты и отстраненность от окружающего мира. Алиса даже деньги решила зарабатывать сама, а не стрелять у родителей — пусть никто не указывает, как себя вести и что делать.

Просидев в Интернете полдня, она наткнулась на объявление, которое ее заинтересовало: *«Принимаем фотографии от частных лиц. Если у вас есть снимки знаменитостей — мы ждем вас!»*. Коротко и не очень ясно. Хотя смотря для кого. Спасибо Денису, он многому ее научил...

Папарацци. Папарацци. Вот кого зазывала к себе скромная, мало кому известная электронная газета.

Алиса еще раз перечитала короткое объявление и ухватилась за идею крепко и отчаянно. Кажется, Дэн не уважает охотников за чужими судьбами, ну что ж... значит, она отомстит ему именно таким образом — унизит, растопчет то, что он боготворит, воспользуется столь почитаемым искусством фотографии в корыстных целях. И пусть он никогда не узнает об этом —

неважно, каждый сделанный кадр и так будет радовать...

Благодаря сбережениям Алиса купила первый простенький фотоаппарат и провела детальную беседу с матерью — когда и где можно застукать представителей и представительниц шоу-бизнеса? Узнав, для чего дочь интересуется подобной темой, Дана Григорьевна рассмеялась и посоветовала несколько ночных клубов, в которых любили проводить время выпускники одной из «Фабрик Звезд» (сдать молодых — самое милое дело). Этим же вечером Алиса отправилась на охоту.

Поначалу снимки не приносили весомого дохода: актриса танцует, певец ест, продюсер напился и уснул в кресле... — никого обычной жизнью не удивишь. Потом появилось чутье, Алиса научилась ловить нужный кадр — подоже. За ненакрашенных, безвкусно одетых звездочек платили лучше, да и давались такие фотографии легче — не надо всю ночь скакать по ресторанам и клубам, тратя деньги на вход и обязательный коктейль, да и вероятность схлопотать за съемку по шее намного меньше.

Со временем появились связи в газетах и журналах, и осведомители — лица, приближенные к VIP-персонам, да и мамочка подбрасывала работу — то по дружбе, то по вредности (некоторые звезды и сами желали черно-

го пиара, а некоторых Дана Григорьевна изрядно недолюбливала).

День шел за днем, и такая жизнь для Алисы стала привычной. Денис вспоминался все реже и реже и уже никак не влиял на мысли и поступки. Иногда даже не верилось, что у нее были отношения с этим человеком, что она носила мини-юбки, готовила многослойные бутерброды и летала в облаках. Сейчас только сумасшедший мог попытаться разглядеть в ней восторженную барышню... Двадцать один год, четвертый курс Института рекламы, пачка сигарет в кармане, грубые словечки на языке и угловатая, мальчишеская внешность.

Мальчишеская, если не считать яркого облака оранжевых волос.

* * *

Дана Григорьевна Бестужева любила свою фамилию, обожала имя и не жаловала отчество. Дана. Просто — Дана. Так же лучше, правда? Бестужева... благородно, красиво! А отчество... ну это такая же противная строка в биографии, как и дата рождения. Это лишнее, неприятное напоминание о возрасте.

Ах, возраст... Ну как с ним бороться?! Вся жизнь — диеты, салоны и тренажерный зал. Пока, слава богу, к пластическому хирургу обращаться не приходилось, но еще пара-тройка лет — и можно начинать поиски хорошей кли-

ники. Страшно, а что делать... Посмотрите направо, посмотрите налево — кругом тощие, не обремененные морщинами и целлюлитом красотки. Им по двадцать, двадцать пять лет, а ей, Дане Бестужевой, уже сорок один год. Печально? Да просто кошмар! Как же быстро летит время, как быстро... Вроде только вчера топталась на подпევках, мечтала о сольной карьере, о славе... а теперь у нее взрослая дочь (совершенно неуправляемая!) и постоянное место работы в ресторане «Джерси». Ресторанная певица! Ха-ха-ха!..

— Малышка, ты меня слышишь? Я уже третий раз задаю тебе один и тот же вопрос...

Дана вздрогнула, сладко улыбнулась и счастливо посмотрела на своего «малыша». Андрей. Андрюша. Милый мальчик, который вот уже два месяца носит ее на руках. Всем назло носит! Да, он моложе ее на девять лет, и да — еще «не встал на ноги», но это же не значит, что возникшее между ними чувство полнейшая ерунда и что парню нужны только ее деньги. Во-первых, она не звезда и не миллионерша (к большому сожалению!) и особо тратиться не может, во-вторых, помогать близким людям — нормально и правильно, и ей самой хочется о нем заботиться. И, в-третьих, Андрей великолепен и дарит ей незабываемые минуты восторга! И двойной эспрессо, который она сейчас пьет в кафе торгового центра, купил имен-

но он. Если у человека нет огромной кучи денег, это еще не повод объявлять его прохиндеем и сволочью! Вот!

— Прости, — Дана кокетливо наклонила голову набок, — о чем ты меня спрашивал?

— Я предлагал махнуть в Сочи... дня на три. Развлечемся, позагорает.

— Ты серьезно?!

— Конечно. — Андрей улыбнулся, продемонстрировав идеальные отбеленные зубы.

О! Сочи! Три дня! Романтика! Страсть! Дана выпрямилась, откинула голову назад и продолжительно вздохнула. Воображение завертелось юлой, смешивая палитру эмоций...

Она на пляже. Горячий песок и горячие взгляды отдыхающих. Андрей раздевается и... все женщины начинают ей завидовать! Они скукоживаются от зависти! Еще бы! У ее «малыша» отличное тело — умопомрачительное. Широкие плечи, крепкие руки, квадратики мышц на животе. Он вообще красавец! Тренер по фитнесу и мастер спорта по армрестлингу.

Ну а потом раздевается она, и на лицах загорающих мужчин появляется интерес и восхищение. Ага, смотрите, смотрите... Зря, что ли, мучила себя масками, массажами и спортом. Сорок один год? Да кто об этом знает?! Двадцать лет тренажеров и диет! Двадцать лет труда над своей внешностью! Больше тридцати пяти ей никто не даст... или тридцати двух...

или тридцати... с Алисой их часто называют сестрами (как же приятны такие слова). Обе высокие, стройные. А рыжие волосы? Пламя, которое всегда дразнит, притягивает, сводит с ума... Спасибо тебе, природа, за это, и за многое другое тоже спасибо.

Кстати, Алиса... Алиса. Когда последний раз дочь надевала юбку? На первом курсе института. Превратилась в пацана, носится по Москве с фотоаппаратом, курит, игнорирует мужскую часть населения и слушать ничего не желает! Живет сама по себе — никто ей не авторитет. Надо было больше уделять дочери внимания — растет, как сорная трава... Нет, не растет... уже выросла. Дана поджала губы, испытывая секундный приступ вины.

А с другой стороны: Алиса самостоятельна, учится в институте, любит книги. С отцом у нее прекрасные отношения, несмотря на то, что после развода он опять женился и «народил» еще одну дочку. Все хорошо. Все хорошо.

Дана убрала рыжий локон за ухо, протянула руку и сжала пальцы «малыша».

— Давай полетим в Сочи сегодня же, — ответила она. — У меня есть сногшибательный купальник. Расходы беру на себя. Ты у меня такой замечательный!

— А билеты?

— Не проблема — по знакомству можно достать все что угодно, а подруг у меня полно.

Андрей отправил в рот кусок рассыпчатого пирожного, кивнул и выдал довольное «угу». Дана улыбнулась, сделала глоток эспрессо и подумала: «Жизнь прекрасна! Меня ждет море, пляж и страстные объятия с утра до вечера!»

Жизнь Даны Григорьевны Бестужевой была местами красочной, местами пронзительной. Эту самую пронзительность она не всегда замечала — проще перевернуть страницу, чем ее прочесть, и поэтому сердце чаще подпрыгивало от радостей, чем от забот и горестей. Уходи, плохое, тебя как будто нет.

Мягкий бархатный голос, тяга к сцене... В восемнадцать лет Дана уже числилась в подпевках у двух более-менее известных исполнителей. Голова кружилась от чужой популярности и аплодисментов, казалось — впереди ждет точно такой же личный успех: карьера сольной певицы, охапки цветов, афиши, шикарные гостиничные номера во время гастролей и премии.

В девятнадцать лет Дана вышла замуж за художника Павла Бестужева (о! одна фамилия чего стоит!). Судьбоносная встреча произошла в купе поезда. Она ехала на концерт любимой группы, он — на выставку друга. Бутерброды с сыром, холодные сосиски, мятые помидоры и обоюдные рассказы о творческих планах так сблизили, что дорога до загса оказалась невероятно короткой. Семейная лодка поплыла впе-

ред, на первых порах минуя рифы и скалы. Вроде и сами по себе, а вроде и вместе.

Павел предпочитал свободную одежду, редко брился, терпеть не мог мыть посуду, завтракал, обедал и ужинал бутербродами. Дана тряслась над красивой, модной одеждой, скупала тоннами косметику и клевала салатики в столовых и на фуршетах, редко случающихся после концертов. Его двадцать четыре часа в сутки интересовали картины, ее — карьера певицы. А Алиса... а Алиса просто решила родиться, что сделала успешно и быстро. «Отличная девчужка получилась», — одобрил врач, и растерявшимся родителям пришлось задуматься о многом... Девять месяцев беременности закончились? Она питит и хочет есть? Писает? Каккает? Не спит? И что прикажете делать?..

На год Дана забыла о сцене и переключилась на дочь. Павел, дабы не травмировать здоровье ребенка запахами краски, снял закуток в художественной школе и теперь творил там. Алиса улыбалась, агукала, требовала внимания и по мере своих возможностей сплачивала семью. Ну-ка, родители, — не расслабляться! Я здесь! Я существую!

— Все! Я больше не могу! — однажды вечером твердо сказала Дана. — На кого я стала похожа! Я хочу выступать, хочу петь, нормально выглядеть и нормально одеваться! Сидя дома,

я поправилась на три килограмма! Нам нужна нянька.

— На няньку нет денег, — развел руками Павел, и судьба Алисы была решена. Папа с мамой установили дежурства, и теперь она курсировала из мастерской в гримерку, из гримерки в мастерскую.

Всколыхнув прежние связи, Дана вновь окунулась в привычную и желанную жизнь. Подпевки, выступления (в клубах, на различных вечерах, на масштабных уличных концертах). Первый продюсер, первая сольная программа и первый провал. Второй продюсер, вторая сольная программа и второй провал. Денег на раскрутку не так чтобы много, репертуар в виде песен-однодневок и скользкие поползновения сильных мира сего в сторону «невинности и чести». Тьфу — одним словом!

И в один прекрасный день постоянные метания и неустроенность надоели, захотелось остановиться и сделать передышку. Одноклассница предложила работу в престижном ресторане «Джерси», и Дана согласилась.

Стильное, роскошное заведение. Ее образ — образ божественной кинодивы а-ля Грета Гарбо, трудовые будни пять вечеров в неделю (выходные — понедельник и вторник).

«Вот и молодец, вот и правильно, — одобрил Павел, глядя с тоской на надоевший бу-

терброд с ветчиной, — у Алисы переходный возраст, за ней сейчас присматривать надо...».

Переходный возраст... Дана раскрыла рот и простояла так минуту. Дочери уже тринадцать лет... Она, конечно, помнила об этом, знала — день рождения и все такое, но... не задумывалась...

Картины Павла стали пользоваться заслуженным спросом — заказы, выставки, командировки. Его пригласили преподавать в Академию живописи и теперь часто звали на различные конкурсы в качестве важного члена жюри. Такие перемены подстегнули и заставили внести изменения в привычный образ жизни. Павел больше не просиживал сутками в мастерской, не носил байковых и джинсовых рубашек, не злоупотреблял алкоголем и не заглядывался на натурщиц (а раньше бывало, бывало...). Вдруг появилось желание хорошо зарабатывать и хорошо выглядеть. Душа потребовала размеренности и комфорта. И в семье Бестужевых начался новый период отношений — затяжной и бурный под названием «Сама дура. Сам дурак».

— У меня есть хотя бы одни чистые носки?

— Я же не спрашиваю тебя про свои колготки.

— Ты целый день дома, могла бы и постирать!